

Олицетворение

олицетворение, персонификация, присущее мифопоэтическому сознанию свойство перенесения на неодушевлённые вещи и явления черт живых существ: человеческих (антропоморфизм, антропатизм) или животных (зооморфизм), а также наделение животных качествами человека. В поэтическом языке О. как средство повышения выразительности используется при описании явлений неодушевлённого мира: «Прощай, свободная стихия!» (А. С. Пушкин); «Терек воет, дик и злобен, меж утёсистых громад, буре плач его подобен, слезы брызгами летят» (М. Ю. Лермонтов); «О чём ты воешь, ветр ночной, о чём так сетуешь безумно?» (Ф. И. Тютчев), человеческих действий, чувств и отношений: «Как пахарь, битва отдыхает» (А. С. Пушкин) и т. п. Однако если поэтические О. являются лишь метафорами, образными сравнениями, выступая как литературный приём, то в мифологических и религиозных представлениях О. — некие воображаемые реальности, служащие для своеобразного объяснения явлений природы или человеческой жизни.

Здесь это не частный вид метафоры, а особый, и притом наиболее богатый содержанием вид символа. В таких символических О. обозначаемое, то есть та реальность, которая, собственно, скрывается за символами, мыслится как живое и личностное начало, а обозначающее, то есть эмпирические, данные людям в восприятии проявления этого личностного начала, условно изображается по аналогии с человеческими действиями, чувствами, мыслями и т. п., то есть уподобляется им посредством метафористических и стилистических О. Например, Уран и Гея — личностно понимаемые стихии, отношения между которыми уподобляются человеческому бракосочетанию.

Весь рассказ об их соитии и потомстве не буквален, а символичен (и благодаря этому имеет познавательный смысл). Буквально лишь «О. первого порядка» — древнее верование в их личностные свойства.

Наличие О. служит определяющим признаком любого мифологического повествования. Вопросы о соотношении поэтических и религиозно-мифологических О., равно как и проблемы их происхождения и функций, по-разному трактуются представителями различных научных направлений. Старая «мифологическая школа» (Я. Гримм, М. Мюллер, А. Н. Афанасьев и др.), не различая виды О., пыталась свести любой фольклорный персонаж к древним мифологическим представлениям, рассматривая его

как деградировавший миф, как О. солнца, луны, грозы и пр.

Позже стали разграничивать разновидности О. и даже противопоставлять их одно другому. Ю. П. Францев противопоставлял поэтическое (сказочное) О. природы образам религиозно-мифологической фантазии.

Всё более широкое распространение получают взгляды на О. как на один из способов символического кодирования реальности, позволявший человеку объяснять себя самого и окружающий мир, персонифицируя себя в природе. Наивное очеловечивание природной среды вело через первобытные верования (фетишизм, анимизм, тотемизм, мана-оренда) к такому «метафорическому» сопоставлению природных и культурных объектов, которое выразилось в сложных тотемических классификациях и (шире) в мифологическом символизме, представлении космоса в зооантропоморфных терминах, отождествлении микро- и макрокосма (см. статьи Модель мира, Первочеловек, Животные в мифологии).

Согласно этим представлениям, космологическая картина мира описывалась древними с помощью синонимических рядов, понятий, относящихся к различным срезам бытия, так что одни и те же элементы космоса (небо, земля, огонь, вода, ветер и т. д.) могли быть олицетворёнными участниками космогонической драмы (ср. Уран, Гея, Агни, Ваю, Варуна и т. д.), а могли выступать и как деперсонифицированные и даже абстрактные классификаторы. Отсюда часто встречающийся в мифах обратный О. процесс «овеществления» живого.

Характерным примером здесь может служить сюжет происхождения частей мира и вещей из тела первочеловека (Пуруша, Имир и т. п., см. Космогонические мифы). Первоначальным источником О. был «синкретизм древнейшей поэзии» (выражение А. Н. Веселовского), который вмещал в себя и архаические обряды, и простейшие мифы, и элементарные верования, и начальные формы поэтического творчества, так что различие религиозно-мифологических и поэтических О. стало актуальным лишь с появлением литературы (см. Литература и мифы).

О. органически входило в самый сюжет сказки и мифа, поскольку на всём мироощущении первобытного человека лежала печать его близости к природе, невыделенности из окружающей среды — природной и социальной. Склонность человеческого сознания к О. окружающей действительности, несомненно, была

психологической предпосылкой к возникновению религиозных верований. При этом собственно религиозный элемент может быть слабо выражен или даже совсем отсутствовать в том или ином О.: критерием чаще всего служит здесь наличие или отсутствие культа – поклонения данному мифологическому образу.

Например, в мифологических представлениях некоторых австралийских и африканских племён определённое место занимает О. неба, но это в большинстве случаев бледный и тусклый образ, ему не приписывают вмешательство в жизнь людей, а потому ему и не поклоняются. Напротив, другие природные явления, особенно бурные, угрожающие жизни человека: гроза, наводнение, разрушительный циклон и пр. – олицетворяются в образах, служащих предметом религиозного поклонения.

Отсюда образы грозных богов природы в разных религиях. Различаются и степени О.: в одних случаях можно лишь догадываться о наличии олицетворённого образа того или иного явления природы. Таковы «хозяева» тайги, горы, моря, промысловых животных в верованиях народов Сибири.

Здесь трудно бывает установить, поклоняются ли, например, антропоморфному образу «хозяина» моря или самому морю? Такого рода «непроявленность», символичность характерна для наиболее чистых форм мифопоэтического сознания.

В других случаях, например в античной греческой мифологии, налицо яркие и пластичные, чисто человеческие образы богов. Это бытовое человекоподобие олимпийского пантеона, его детальная антропоморфизация и ослабление символического начала свидетельствуют об упадке мифологического мышления, его перерождении в систему философских аллегорий и условно-поэтических приёмов. Типовым примером мифопоэтического восприятия окружающего мира могут служить О., связанные с земледельческим хозяйством разных народов: зреющее или созревшее на полях зерно олицетворялось то в человеческом, то в животном образе (эти поверья детально исследовали немецкий этнограф В. Манхардт и Дж. Фрейзер).

Индейцы Северной Америки называли кукурузу – их главную пищу – «маисовой матерью», «старой женщиной» и т. п., и устраивали в честь неё праздники с жертвоприношениями. Народы Юго-Восточной Азии, питавшиеся главным образом рисом, верили в «рисовую мать» или в «духа риса».

У европейских крестьян, особенно в Центральной и Северной Европе, были поверья о «хлебной матушке», «ржаной девушке», «старике» и пр., живущих в хлебном поле. Но ещё чаще хлебное поле олицетворялось в животных образах, притом самых разнообразных (волк, собака, заяц, лисица, петух, гусь, кот, бык, козёл, свинья, лошадь и др.).

Эти О. выражались в особых поговорках, прибаутках, детских страшилках: «Вот хлебный кот придёт и заберёт тебя», «Ржаной волк придёт, съест тебя», «Там, в хлебном поле, сидит большая собака», «Козёл сидит в снопе» и т. п. Если ветер колышет ниву, говорят: «Волк бежит по полю» и пр.

Верили, что животное — дух поля, дух хлеба, когда хлеб жнут, отступает постепенно в несжатую часть поля и под конец остаётся в последнем снопе. Когда последний жнец его срезал, говорили: «Он поймал волка», «Он убил зайца», «Берегись волка» и т. п.

Последний сноп мог выступать и в антропоморфном оформлении («дед», «баба», «именинник»). Он был предметом различных магических обрядов, его хранили до будущего посева. Но есть очень много мифологических образов, которые не могут быть сведены к простейшим и непосредственным О. одного какого-то явления действительности: в них сплелись и слились черты разнообразного происхождения, и трудно выделить в них первичные О. Таковы, например, Зевс, Аполлон, Афина, Гера, Артемида, Гермес, Посейдон.

Почти невозможно составить представление и о том, в какой исторической последовательности сменяли одно другое О. разных явлений природы и общественной жизни. Поэтому приходится ограничиться лишь примерным, далеко не полным перечнем вещей, явлений, понятий, которые подвергались О. Олицетворялись небесные явления: солнце, луна (эти два светила олицетворялись как два взаимосвязанных человеческих существа, непременно разного пола: если солнце мужчина, то луна женщина, и наоборот); созвездия и отдельные звёзды, Млечный путь, полярное сияние; небо и земля (опять-таки как существа разного пола, чаще небо — мужского, земля — женского); атмосферные явления — ветер, тучи, гроза, дождь, радуга и пр.; элементы ландшафта — гора, река, озеро, лес (дерево), пустыня, степь, море и пр.; вся видимая природа (образ бога-творца, демиурга, мироустроителя); предметы человеческой культуры и социального порядка (образ культурного героя); человеческое хозяйство, промыслы (духи — покровители охоты и других промыслов), земледельческое хозяйство (духи — покровители земледелия, демоны плодородия, зооморфные и антропоморфные О. урожая), скотоводство (святые — покровители скота); огонь, вода; семейный и домашний

быт (покровители семьи, пенаты, лары, домовый и др.); брачно-семейные и кровнородственные отношения (боги – покровители семьи и брака, любви, деторождения); болезни (лихорадки, трясцы, оспа и др.); смерть (божество смерти, дух умершего, хозяин загробного мира); благополучие и неудачи (доля – недоля, мойры, норны, злыдни); войны (божества войны и победы); социальный мир и порядок (боги – учредители и покровители порядка, правосудия, справедливости, хранители обычаев и пр.). Особняком стоит чрезвычайно интересная категория мифологических О., особенно тесно слитая с обрядностью: О. праздников и обрядов. Таковы Коляда, Карнавал, Куарезима (великий пост, от латинского quadragesimus, «сороковой»), Пэр-Ноэль («отец-рождество»), фея Бефана, Карачун, дед-мороз, русалка.

Литература :

- Афанасьев А. Н., Поэтические воззрения славян на природу, т. 1–3, М., 1865–1869;
Тэйлор Э., Первобытная культура, перевод с английского, М., 1939;
Вундт В., Миф и религия, СПб, 1913;
Фрэзер Дж., Золотая ветвь, М., 1980;
Лосев А. Ф., Античная мифология в её историческом развитии. М., 1957;
Неклюдов С. Ю., Особенности изобразительной системы в долитературном повествовательном искусстве, в сборнике: Ранние формы искусства, М., 1972;
Штернберг Л. Я., Первобытная религия в свете этнографии, Л., 1936;
Попов А. А., Пережитки древних дорелигиозных представлений долганов на природу, «Советская Этнография», 1958, № 2;
Францев Ю. П., У истоков религии и свободомыслия, М. – Л., 1959;
Роднянская И. Б., Олицетворение, в книге: Краткая литературная энциклопедия, т. 5, М., 1968;
Mannhardt W., Die Korndämonen, B., 1868;
Mannhardt W., Wald- und Feldkulte, 2 Aufl., Bd 1–2, B., 1904–1905;
Usener H., Götternamen, 3 Aufl., Fr./M., 1948.